

Константин Воскресенский

Приключения мальчика Кеши

Константин Дмитриевич Воскресенский

Приключения мальчика Кеши

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63578508
Приключения мальчика Кеши:

Аннотация

Повесть о детстве и взрослении поэта и инженера Константина Воскресенского, написанная на автобиографическом материале. Увлекательное изложение приключений юного героя, которые пришлись на переломное состояние эпохи, переживаемой нашей страной. Книга рассчитана на самого широкого читателя.

Содержание

Вступительное слово	5
Пролог	8
Глава 1. 1985. Начало	9
1985. Кеша	9
1986. Смерть отца	10
1988. Новый папа	12
Глава 2. 1988. Первые потрясения	13
1988. Ходил кушать	13
1988. Пожар	14
1988. Язык отрежу	15
1989. «Забывашкин»	16
1990. Заика	18
Глава 3. 1990. Первые приключения	20
1990. Путевка на дерево в один конец	20
1990. Падение с высоты второго этажа	22
1990. Падение с карусели	23
1993. Левая рука	24
1993. Больницы	25
1994. Укус овчарки	26
1995. Санки	27
1996. И снова левая	29
Глава 4. 1990. Шалости. И не только...	30
1990. На автобусе в соседнюю деревню	30

1991. Лифт: катание с открытыми дверями	32
1992. Под мостом в туннеле	34
1992. Угон велосипеда	35
1993. Креветки и стоматолог	37
1994. Котёнок мечты	39
1996. Городки и противогаз	41
1996. Не хочу в школу!	42
2001. Курение на общей линейке 1 сентября	43
Глава 5. 1990. Первые разочарования и обиды	44
1990. Хочу уметь летать	44
1993. «Это не я!»	45
1993. «Я с тобою не дружу – ты не знаешь падежу»	47
1997. Без вины виноватый и перевод в другую школу	48
1997. «Товарищей не сдам!»	50
1998. Тарас Бульба	51
2000. Снова Пушкин	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Константин Воскресенский

Приключения мальчика Кеши

Вступительное слово

Константин Дмитриевич Воскресенский, чьё творчество до сего времени было известно лишь по стихам и «Сказу о коронавирусе», представляет книгу прозы, основанную на собственном жизнеописании.

Довольно смелый проект, поскольку задача изначально ставилась, как исключительно сложная: во-первых, это трудность самопознания на том этапе жизни, который приходится на сплошные изменения в личности, духовном восприятии окружающей действительности, во вторых, трудность изображения времени, вихря жизненных перемен огромной страны в непосредственной близости от столицы, в-третьих, отсутствие опыта и каких-либо документальных заделов, кроме собственной памяти.

Но, как убедится в этом читатель, перед которым находится итог проекта, проблема решена, как в главных чертах, так и в мельчайших деталях. Более чем тридцатилетний отрезок жизни героя и страны, в которой он живёт, трудится и пре-

даётся литературному творчеству, вырисовывается, как единое целое, как живой организм со всеми его неразрывными частями и функциональными особенностями.

В начале повествования мы застаём героя ещё ребёнком, который, подобно всем детям, не слишком осознаёт себя в этом мире, растёт, развивается, впитывает в себя как хорошее, так и плохое. Он проходит стадии, знакомые любому человеку, имеющему понятие о воспитании и психологии детей дошкольного и школьного возраста.

Тут и любознательность, и любопытство, и жажда знаний, и приступы негативизма, первые чувства и первые разочарования.

В отроческом возрасте герой переживает подростковую «перестройку», ломающую складывающийся набор ценностей, порой весьма болезненную и пугающую, в период юности сталкивается с необходимостью «найти себя», определиться с выбором предстоящего жизненного пути. Затем наступает период взросления, завершения учёбы, работы, женитьбы, появления ребёнка.

Каждый из этих этапов изображён автором с душой, увлекательно и непосредственно, но в то же время и мастерски. Изображение жизненной правды не пришло в конфликт с правдой художественной, как это бывает у начинающих авторов и представителей иных течений современного искусства.

Константин Воскресенский дал нам произведение, читая

которое, невольно вспоминаешь такие классические книги о детстве, как «Детство Тёмы» Н.Г. Гарина-Михайловского и «Детство» А.М. Горького.

Остаётся надеяться, что дальнейшая судьба Константина Воскресенского как писателя сложится таким образом, что этот, на мой взгляд, удачный опыт, будет только подчёркнут последующими успехами на его литературном пути.

Сергей Сметанин, член Союза писателей России

Пролог

Рад всех приветствовать и представить свой автобиографический рассказ. Тем, кто знает меня лично, а также любознательствующим, думающим и ищущим. Каждый человек – космос, загадка и настоящее чудо. Уверен, каждому из вас есть что вспомнить из своей жизни и рассказать о себе, но этой книгой я хочу поделиться своим космосом, размышлениями и поведать о своих приключениях. Это не мемуары. Это про весьма неординарную жизнь вполне простого человека из обычной семьи. В основном сюда вошли те эпизоды, которые мало с кем случались, особенно в таком количестве, и их сочетании.

Стоит отметить, что в эту книгу не вошла любовная тематика. С одной стороны, это было бы отдельное издание из семи томов. С другой стороны, ничего сверхоригинального не было – к чему повторяться. С третьей стороны, эта тема, пусть и без комментариев, но весьма хорошо раскрыта в моей первой книге – сборнике лирических стихов «Во имя твоё».

Все имена, даты и события настоящие и к вымыслу никакого отношения не имеют.

Глава 1. 1985. Начало

1985. Кеша

Начнём с имени мальчика в названии книги.

Согласитесь, дать ребёнку имя – увлекательное, но непростое занятие. Это подтвердят многие родители. В своё время мы с супругой тоже это проходили, хотя немного сжульничали, дав своему ребёнку имя по святцам.

Меня же моя мама решила назвать Иннокентием. С этим именем я прожил почти 2 недели. Позже оказалось, что это не всех устраивало. Всё выяснилось, когда на смотрины пришла моя тётя Надя. В то время она ещё ходила в начальную школу. Когда ей рассказали, как меня назвали, она выдала: «Ой, а я знаю, что это Кеша. Я вчера мультик смотрела про попугая Кешу...». Терпение бабушки Марины лопнуло. Она решительно заявила, что её внука так звать не будут: ребята потом задразнят.

Не это, то какое? И как удовлетворить всех домашних? Было принято решение написать на бумажке 3 имени – Илья, Роман и Константин. Мама вытянула новое имя вслепую. Получился Константин.

По правде говоря, меня бы устроило и первое имя, однако второе уже как-то намного привычнее...

1986. Смерть отца

Но смена имени – это цветочки. Настоящие значимые события не заставили себя долго ждать. В возрасте 1 года и 5 дней я оказался в положении безотцовщины: моего отца, Воскресенского Дмитрия Анатольевича, убили при прохождении им воинской службы в возрасте 19 лет. Советская военная система, местами странная и чудаковатая, в момент моего рождения дала отцу отсрочку на полгода, а потом приняла решение отправить его в Амурскую область на китайскую границу. Так далеко, чтобы, не возникало желание дезертировать домой к молодой жене и маленькому сыну.

Через пять месяцев службы произошло нападение неизвестных лиц на в/ч под городом Благовещенск, где он в тот момент служил с товарищами. В качестве «основного блюда» моему отцу досталось пять пулевых ранений, а «на десерт» – газовое отравление. Нет, не ищите от 20 августа 1986 года подобных новостей. В свидетельстве о смерти чётко указано – «геморрагический нефрозонефрит». «Убитые, пули, отравление – это ещё доказать нужно и вообще – у нас в архивах этого нет. Потрудитесь объяснить, кто Вам это сказал?» В такой манере Военная прокуратора ответила мне в 2016 году на мои три обращения на имя министра обороны РФ Сергея Кужугетовича Шойгу разобраться с этим вопросом. Бесплезное занятие, только если Вы не часть военной

системы или гос. аппарата, или ещё что-нибудь в этом духе.

Собственно, сам груз-200 – это груз-200. На опознании был только мой дед. Как ни странно, но не отец отца. На опознании был мой дед по матери – Николай Тиманов. Однажды он силился мне что-то рассказать на этот счёт, но тогда он осёкся и решил отложить этот разговор. А потом его не стало и рассказать он мне ничего не успел. Всё не всё, но в семье что-то знали и без него. В год опознания в морге работала хорошая знакомая бабушки – мамы отца. Она-то многое и рассказала бабушке. Это сейчас хоть Путину пиши (я писал, но об этом позже), а тогда объективно было другое время. Никто в нашей семье так и не попытался выяснить хоть что-нибудь по горячим следам. Не осуждаю, но считаю, что зря – надо было пробовать. Мужа, сына и брата не вернёшь, а маленький сын, внук и племянник остался...

Не трудно догадаться, что смерть отца коренным образом изменила и мою судьбу, и судьбу моей матушки.

1988. Новый папа

Мама – женщина молодая, красивая. Хоть и с ребёнком на руках, но свято место пусто не бывает. Уже через лето в нашей крохотной молодой (24 года на двоих) семье появился новый папа. Этого события не помню – мне было только три года. Я всегда его называл и называю «папа». Мы с ним дружим и ладим... Хотя как не ладить, если тебе слово поперёк не говорят и пальцем не трогают. Собственно, всегда это и была его стратегия – не вмешиваться, помогая материально всем, чем можно. Не скажу, что это самая удачная стратегия сама по себе, но в моём случае я бесконечно благодарен отцу. Он дал мне возможность вырасти самим собой, не стал ломать меня, переделывать, вкладывать своё мировоззрение, подгонять под свои стандарты и прочее. Такая предусмотрительность и деликатность дорогого стоят...

Глава 2. 1988. Первые потрясения

1988. Ходил кушать

Летом 88 года в Евпатории случилась небольшая забавная история. Ну как забавная – я потерялся. Мама с тётей Ирой меня оставили на пляже, а сами пошли купаться. Уверен, что попросили какую-нибудь ответственную тётушку в шляпе с широкими полями присмотреть за мной. Не сомневаюсь, что этой тётушке было не до меня – солнце, море, пляж и всё такое...

Вышли из моря – меня нет. Позвали, покричали... нигде нет. Побегали, пометались – видят меня, идущего по трамвайным путям и жующего булку.

– «Откуда это у тебя? Где ты был?»

– «Я кушать ходил...»

М-да... мужчинка мал, но покушать не дурак. Слава Богу, что всё обошлось и эта история так и осталась забавной и совсем небольшой.

1988. Пожар

Тем же летом случилось еще одна неприятная история. Пожалуй, даже посерьёзнее, – пожар. Отчётливо помню, как горела бабушкина комната в её квартире на втором этаже кирпичной пятиэтажки. С бабушкой и со всеми остальными всё было в порядке. Люди, машины, суета, гарь – вот что меня впечатлило больше всего. Такую суматоху и толпы зевак я видел впервые. Конечно, я ничего толком не понимал, но общая тревога ошеломила. С тех пор каждый раз, когда я вижу пожар, я буквально немею и мысленно проваливаюсь в этот эпизод.

1988. Язык отречу

Вот и кончилось лето – начался детский сад, и на моей душе он оставил глубокую неизлечимую рану. Не знаю, кто и когда меня этому приучил, но любая девочка для меня – эталон высшего порядка и божественной красоты. И что я запомнил из того детсадовского времени? Грязную белокурую девочку в чёрно-белом клетчатом платице, перемазанную кашей. Боже мой!.. Неокрепший детский мир треснул, натолкнувшись на суровую реальность. В садике по утрам я стал закатывать скандалы и отказываться ходить туда, но самое жуткое меня ждало впереди.

Мне понравилась одна девочка. Не помню ни внешности, ни имени, но это не важно. Так получилось, что наши кровати были рядом и в тихий час я стал заводить с ней беседу из серии «Привет... Как дела...» (можно подумать до этого не виделись). Понятное дело, меня быстро застукали – но... Мне за мои разговоры в тихий час воспитательница пообещала (ни больше ни меньше) – отрезать язык...

Прозвучало настолько угрожающе и так убедительно, что Вы бы сами в это поверили даже сейчас. С тех пор у меня слово по рублю, и я всегда предпочту промолчать. А то мало ли...

1989. «Забывашкин»

На этом испытании детской психики не закончились.

Однажды меня не забрали из детского садика. Я просидел до позднего вечера, пока меня не забрала родственница, которая работала там. О чем я думал? Ни о чём. Просто сидел истуканчиком и смотрел в окошко: всё утихало, медленно падали снежинки, заметало дубы и тропинки, постепенно вечерело (я бы даже сказал «смеркалось»).. .

Похожий случай произошёл в школьные каникулы летом. Я весь день прогулял, а вечером мне никто не открыл дверь. Не из-за вредности или неуместной шутки – просто дома никого не было. И ключа у меня тоже с собой не было. Около 9 часов вечера меня забрала наша соседка – Верина мама из 48 квартиры. Мы все вместе большой компанией посмотрели детскую передачу, что-то поужинали и легли спать. Мне определили место с Вериним братом.

По обоим случаям через много лет я услышал очень убедительный рассказ о том, какие трудности непреодолимой силы не позволили тогда меня забрать из сада или приехать домой. Суровая же правда проста. И мать, и отчим всю жизнь, хоть и периодически, но очень не по-детски злоупотребляют алкоголем. У меня нет прямых доказательств или чьих-то свидетельств по этим эпизодам, но уверен: в те моменты они были в квартире отчима в соседнем городе или

ещё у кого-то. Не осуждаю и не виню, но, как часто говорится в анекдотах, «осадочек остался...»

1990. Заика

Нет, не зайка. Заика. Им я стал приблизительно в пять лет. Всё произошло слишком стремительно...

В тот момент я отдыхал у бабушки покойного отца в Климовске на Весенней. Гулял на улице. В какой-то момент голод погнал меня домой, и я решил оптимизировать маршрут, придумав отличное решение – не обходить забор вокруг придомовой территории, а пробежать под окнами дома по отмостке. Быстро пробежал, забежал в подъезд и чуть не врезался в соседку – бабульку божий одуванчик. Резкий ор на весь подъезд...

Оказалось, что бабулька вовсе не одуванчик, придомовая территория – её огород, а я – вредитель похужее колорадского жука... Я толком ничего не помню, но было нереально страшно – 11 баллов из 10-и. Страх, оцепенение, ужас, и как нельзя лучше сюда подойдут такие литературные клише, как «сердце провалилось в пятки» и «от ужаса спёрло дыхание». Так оно и было.

Началась ещё одна новая страница в моей жизни. Я сам или, может быть, меня переключили с устного общения на чтение. Всю начальную школу я мало с кем общался и почти каждый раз на уроке было очень трудно обращаться к Татьяне Лазаревне – нашей первой учительнице.

Прошло уже много времени. По долгу службы мне часто

приходится помногу говорить и выступать перед публикой – 10, 50, 100 человек. И вот в редкие моменты сильного волнения мне бывает очень трудно начать говорить. Приходится брать едва заметную паузу, делать глубокий вдох до трех секунд и... ме-длен-нно на выдохе (слегка певуче) произносить первое слово. Второе уже всегда хорошо цепляется за первое, и вот короткий миг внутреннего крайне неприятного смущения остаётся позади...

Глава 3. 1990. Первые приключения

1990. Путевка на дерево в один конец

Если первые потрясения – это результат воздействия внешнего мира, и от меня тут мало что зависело, то первые приключения – результат моих более или менее осознанных решений. Формирующийся внутренний мир не отставал от внешнего и побуждал к различным активностям.

Однажды моё любопытство завело меня на ветку дерева, с которой я сам так спуститься и не смог. Даже не решился на это, что, пожалуй, даже к лучшему.

Тут есть несколько нюансов. Во-первых, это дерево находилось недалеко, но в соседнем дворе. Во-вторых, меня надумили залезть товарищи, но чужие (из этого двора). В-третьих, этих товарищей я хоть и знал, но очень смутно. К тому же они были старше. В-четвёртых, меня предупредили, что залезть легко – спускаться будет трудно, но охота была пуще неволи...

Высота была относительно небольшая – метра 2-3 от земли, но какие интересные ощущения я впервые ощутил из-за высоты (мужчины меня поймут), какой чудесный вид от-

крылся передо мной!..

Пятый нюанс – я проживал на шестом этаже. Какие виды я только не видел с высоты 16 метров...

Ну хорошо – залезли, посидели немного – пора слезать. Провозившись немного со спуском, понял, что ни слезть сам не могу, ни товарищей рядом уже нет. Тоже мне – товарищи... из соседнего двора... старшие... малознакомые...

Сижу, значит, жду «у моря погоды». Нет, не смеркалось – время обеденное, но начиналось хотеть кушать... Кричать и звать на помощь? Не-а. Во-первых, это очень стеснительно. Во-вторых, я же мужчина, а не тётка базарная... Не скажу, что просидел очень долго. Мне повезло. Рядом пробежали друзья со двора, спросили, где мой кусочек сыра (я тогда вообще не понял, к чему это они) и намекнули, чтобы я попросил у них помощь. Последнее я уловил быстро (обед уже!) и попросил позвать маму. Прибежала матушка. Привела с собой здоровенного дядьку, и он меня снял так же легко и непринужденно, как я до этого залез сюда. Дома ни крику, ни разборок – вообще ничего. Но я и так всё понял – к чему тут разговоры...

1990. Падение с высоты второго этажа

Высота не давала мне покоя, и деревья показалось мало. Или, может, просто предыдущее приключение слишком быстро забылось – с детьми ведь так бывает. На этот раз лестница. Нет, не пожарная, не маршевая – обычная. До сих пор стоит во дворе отца, на Львовской.

Даже сейчас, несмотря на современный уровень качества и безопасности, детские площадки полны коварных опасностей. Детская же площадка моего детства – сплошной металл: суровый, жесткий, негибачаемый, как сама жизнь. И вот, решив освоить местный Эверест, без всякой подготовки и снаряжения я полез наверх. Добрался почти до конца и – внимание – кино: на предпоследней ступеньке соскользнул и полетел вниз – спиной...

Упал, встал, отряхнулся, пошел домой есть блины. Всё... Это сейчас об этом думать довольно страшно и странно, ведь высота второго этажа – это не шутки. А тогда как? Просто, как кирпич: никто не видел, не болит – значит, всё в порядке...

1990. Падение с карусели

Осознав, что вертикальные подъёмы – не моё, я решил испытать горизонтальные перемещения. И тут результат не заставил себя долго ждать – пять дырок на попе. Поясню.

Оказывается, та же самая суровая реальность такова: если сесть на карусель спиной к движению, раскрутиться, а потом резко затормозить ногами, то тело непременно соскочит с лавки карусели и рухнет на землю. Очевидно? Не каждому пятилетнему ребёнку. А доска с гвоздями внизу – так это вообще досадное совпадение...

Страшный пронзительный крик стоял на весь двор. Хорошо, что мне было только около пяти лет, иначе бы стоял пятиэтажный мат, но... тогда столь разносторонне развит я не был. Надо отметить должное маме – она меня очень быстро услышала и появилась быстро. Настолько, будто всё это время стояла за углом дома.

Отвела домой, полечила, пожалела, ругать не стала – мама есть мама...

1993. Левая рука

Потерпев в горизонтальной плоскости такое публичное и даже слегка позорное фиаско, я решил вернуться в вертикальную. Во всяком случае большой боли я не испытывал. Разнообразие во дворе скудное, поэтому – снова дерево. Но на этот раз я всё контролировал. Первая ветка, вторая ветка, третья... упс... И вот Земля вновь приветствует юного отважного и настойчивого лётчика испытателя...

Как-то так вышло, но ни парашюта, ни спасательной катapultы с собой не оказалось. Результат такой неподготовленности более чем предсказуем: вывих левой руки. Но, правда, лёгкий. В смысле терпимый, и об этом знать никому не следует, ведь завтра утром меня командируют в летний пионерский лагерь им. Олега Кошевого в Евпатории. Вдруг, чего доброго, не отпустят из-за травмы! Нам такого не нужно...

1993. Больницы

Как я впервые лежал в больнице в годик с пневмонией, я, конечно, не помню. Знаю об этом лишь из рассказов взрослых. Но как удаляли аденоиды в семь лет – о, да! То ещё зрелище... Рассказываю.

В большой светлой комнате, стоял большой светлый стол, на котором лежала разная белая эмалированная медицинская посуда с блестящими инструментами. Мягкий легкий летний свет сквозь большие чистые светлые окна приятно и загадочно освещал людей в светлых одеждах, словно ангелов. Эти ангелы обступили меня вокруг, ласково накинули мне на грудь большую белоснежную простынь и вежливо попросили произнести сакральную букву «Аз»... Бурный поток тёплой алой крови хлестнул на большую простынь и потёк дальше по полу...

И вот я теперь думаю: неужели нельзя было меня об этом хоть как-то заранее предупредить или подготовить? Я понимаю, что таким образом врачи избавили себя от всяких кратковременных проблем «до»... Но они ведь оставили меня с этой картинкой «после» – на всю жизнь...

1994. Укус овчарки

И вновь левая рука. Конечно, она уже успела зажить после последнего падения, но ненадолго. Методом исключения это был 1994-й год, хотя это и не так важно.

Лето. Июль. Мы поехали в гости к тётё Гале – вдове покойного дяди Андрея Тиманова, старшего брата мамы. Было жарко, и мы пошли по самой короткой дороге через огороды (участок 30 соток или около того). Пройдя почти весь огород, мы увидели тётю Галию, заходящую в дом. От радости я рванул со всех ног вперёд к ней. Но как злостный нарушитель правопорядка был своевременно схвачен немецкой овчаркой за левую руку. Ладонь была прокушена насквозь, и изнутри раны торчала какая-то толстая бело-жёлтая нитка.

Собака была воспитанной, детей никогда не трогала, но то ли она была спросонок (мало ли), то ли я повёл себя как-то уж слишком резко и громко, но... что-то пошло не так...

Семейный конфуз. Что делать? Поохали, обработали руку, на следующий день – в больницу. Назначенные 40 уколов в живот оказались нам с мамой лишними и хлопотными, собака в общем-то своя, не бешеная – пошли добывать справку. В результате я отделался только 2-3 уколами в живот. Было не очень приятно, но мы и на такое выживали...

1995. Санки

Чем-то задним чуя, что руку всё-таки нужно побережь, я переключился на другие части тела. Случилась не очень красивая история. В осенние школьные каникулы я ушёл без спроса кататься с горки на санках. Ну как с горки – по тротуару за клубом вниз к реке. Склон там под приличным углом. То, что это вообще-то пешеходная часть, нас не очень заботило – ходят тут тётки всякие с авоськами, гоночную трассу перегораживают...

На тот момент мне было десять и кататься «правильно» по статусу мне было уже не положено, я же не карапуз какой-то. На боку, на животе – это пожалуйста, так ребята не засмеют.

Решил кататься как все мои ровесники – животом на санках головой вперёд. В такой манере прокатался почти весь день, но в какой-то момент что-то пошло не так. Несогласованный с дорожной ситуацией старт, саночная пробка, удар со всей силы о впереди стоящие санки глазом и позорное ретирование домой...

Дома никого не было. Намочил и выжал небольшую тряпочку, которую мама зачем-то регулярно стирала, положил на глаз, лёг в постель и стал ждать. Нет, не когда всё заживёт. Стал ждать своей участи. И вот для неё настал час, пришла мама и с вверх поднятыми руками я сдался в плен. Оценив ситуацию и поняв, что за самоволку я уже сам себя наказал

(удобная кстати вещь – мгновенная карма), матушка не стала меня ни ругать, ни читать мораль...

1996. И снова левая

Да, всё-таки голова важнее. Вернёмся к левой руке. Для неё проблемой меньше, проблемой больше – разницы никакой. Хотя и в правду не пойму, что с ней? Какая-то особенно бедовая...

1995 или 96-й год, лето, санаторий, закончился тихий час. Как сейчас помню, спалось сладко-сладко. После тихого часа полагался полдник и прогулка до ужина.

В это время по обыкновению мы сидели с девочками на открытой беседке. В какой-то момент мне позарез потребовалось произвести на них впечатление, и я стал перепрыгивать через стенку – спинку беседки – наружу. Первый же прыжок стал неудачным, я споткнулся о перекладину и всей массой рухнул левой рукой на землю. Показательное шоу провалилось с треском. Дальше всё по обычной схеме: упал, очнулся, гипс...

Глава 4. 1990. Шалости.

И не только...

1990. На автобусе в соседнюю деревню

Мальчик без шалостей, что ботинки на молнии: плоско, предсказуемо и не интересно. В нём обязательно должна быть хоть какая-то изюминка и небольшая доля безбашенности. Иначе откуда будут появляться удалые молодцы да отважные герои?

Трудно сказать, был ли по тем временам этот поступок бесшабашен, но в возрасте пяти лет я уехал без спроса на автобусе в соседнее село Сертякино на поле за горохом. Без взрослых, но со старшим товарищем. Рома со второго этажа. Мудрый и опытный – старше на целых два года. В таком возрасте это как старшеклассник и выпускник университета – разница слишком очевидна.

На нас быстро настучали, и по возвращению домой вместо хлеба да соли меня ждал заслуженный ремень да угол. Кстати, в моё время угол использовался часто. Это сейчас туда детей пинками не загонишь.

Только представьте – целое поле гороха! Не знаю, был ли

он кормовой или нет, но само по себе поле – это невообразимое зрелище даже по взрослым меркам. Часто приходится проезжать этой дорогой, и воспоминания об этом эпизоде – самые лучшие. Что порка: поболело и прошло. Но осталось такое лихое чувство свободы, непроходимое ощущение ожидания большого приключения, некоторой дозволенной шалости, как у поэта Сергея Васильева, «и всё вокруг колхозное, и всё вокруг моё». А в завершение – заслуженная награда: молодой упругий, сочный горошек...

1991. Лифт: катание с открытыми дверями

Конечно, разъезжать детям в таком нежном возрасте по сёлам да деревням – очень рискованно, но гораздо большей опасности мы подвергали себя дома. Как говорится, не отходя от кассы.

Лифт. Какой это был лифт! Чертовски классный. Его особенностью было то, что двери в кабине открывали и закрывали вручную. Дверей было двое, деревянные и, по сути, это были складываемые створки. Снаружи на каждом этаже была одна большая металлическая дверь. Она тоже открывалась вручную.

Вы не катались в лифте с открытыми дверями? Ой, зря – это непередаваемо! Не помню, кто этому нас научил (мудрые старшие товарищи, надо полагать), но делалось это следующим образом.

Заходите в лифт, закрываете наружную дверь, но не закрываете внутренние. Затем нужно повиснуть над полом – поднимаете себя руками за счет боковых стенок. Для системы управления лифтом это означало, что кабина пуста и лифт можно вызвать. Далее Вам понадобится напарник (пожалуйста, позаботьтесь об этом заранее). Ваш напарник вызывает лифт с другого этажа и перед Вашим лицом начинают мелькать решётки и металлические двери. Если Ваши руки

не выдержат или закружится голова (а в нашем случае это обычное дело), то произойдет срыв на пол – лифт остановится как вкопанный. Но не переживайте: аттракцион не закрыт и можно продолжить развлечение.

Другой фокус – «для постарше». Его цель – добавить ещё одну интересную опцию – открытую наружную дверь. Для этого перед вызовом лифта напарнику требуется:

- 1) открыть наружную дверь;
- 2) нажать пальцами на штырьки в специальных отверстиях в стене с торца с ответной части запирающей системы наружной двери, рядом с этими отверстиями в лифтовой шахте нащупать и потянуть на себя круглый рычажок;
- 3) далее этот рычажок можно покрутить по часовой стрелке, чтобы затянуть его и тем самым зафиксировать состояние «наружная дверь закрыта»;
- 4) после этого руки Вашего напарника будут свободны, и он может вызвать Вас с лифтом... Таким образом можно открыть все двери и проехать все этажи с полностью и везде открытыми дверями. О как!

В общем, когда в нулевых годах монтировали новый современный лифт с автоматическим закрыванием дверей, на душе стало намного спокойней: наши дети не смогут подвергать себя такой опасности. Лифт – не место для игр. Вот так.

Но я бы многое отдал, чтобы сейчас ещё раз так покататься! Особенно с дополнительными опциями...

1992. Под мостом в туннеле

Не менее опасными были наши прогулки под автодорогой в туннеле, по которой утекала наша река Петрица. Что мы там забыли?

Во-первых – раки. Ни одного не поймал, но ребятам удалось. Мне было попросту страшно совать свои руки под камни – вдруг тяпнет! Я бы и сейчас подумал, стоит ли оно того...

Во-вторых – плотина. Так и осталось не ясным, какова была её цель, но тут как раз был важен именно процесс. Было довольно интересно идти по мокрому илу навстречу сильному потоку. Приходилось искать различные решения, как дойти до конца вверх по течению – не уронить нужную для строительства плотины вещь и не упасть в воду самому. Ни то, ни другое легко не удавалось, поэтому довольно часто опасные части уплывали, терялись, а сами прогулки заканчивались срывом в бушующий поток, мокрой (до нижнего белья) одеждой и позорным возвращением домой. На вопрос, ставший традиционным, «почему мокрый», следовало стандартное враньё – «в лужу упал...». Видела бы мама эту «лужу» – всыпала бы по первое число...

1992. Угон велосипеда

Однажды к вранью добавилась почти криминальная история, связанная с угоном велосипеда. Не моего. Это я сделал...

Не GTA, конечно, но эти преступные действия были совершены в наглой манере посреди бела дня. А дело всё в том, что мне запрещали ездить на велосипеде. Ну как же: по двору ездят вишневые жигули дяди Гены из 36-ой квартиры и три запорожца в час (в том числе наш). Умереть как опасно.

И вдруг – вот он. Транспорт мечты. На меня нашло какое-то помрачение, внутренняя скованность одновременно с порывом решимости и страстным желанием. Этому невозможно было сопротивляться. Хочу, и точка.

За буквально пятнадцать секунд езды произошла интересная смена эмоций: эйфория, радость, лёгкость, тревога, тягость, страх, ужас. Последнее так угнетало, что велосипед тут же был припаркован за противоположной пятиэтажкой. И сразу же ужас перешёл в досаду, потом и вовсе в злость – велосипедные ниппели были в момент скручены и брошены в кусты. Так не доставайся ты никому!

На следующий день папа товарища провёл со мной вежливую профилактическую беседу. Было очень стыдно, и ответить толком я так ничего и не смог. Даже стандартное «я так больше не буду». Я что-то пробормотал себе под нос, и

на этом меня отпустили. Рецидивов не было. Во всяком случае с велосипедами. Машины, знаете ли, снуют туда-сюда...

1993. Креветки и стоматолог

Совсем не криминальным, но весьма опасным занятием была ловля креветок под заброшенным зданием. Это как раз было в летнем лагере им. Олега Кошевого в Евпатории. Конечно, мы не понимали, что это опасно, но история в другом.

Когда нас поймали с поличным, воспитатели всех записали поименно. Вечером они сварили нам креветок и заставили съесть. На следующий день утром нам устроили показательный товарищеский суд. Тоже мне мероприятие, знаете ли... Но вот беда – список с нашими именами потерялся. Попросили встать под честное слово. Все виновники встали, кроме меня. Сижу. Мне-то что – эти шлятся, где ни попадя... Товарищи мне шепчут «вставай!» (тоже мне товарищи), но мне нельзя. Я круглый отличник и примерный мальчик. Первый на «отлично» заправляю постель, первый чищу зубы... ну и далее по советскому лагерному списку достижений. Так и не встал.

От этих товарищей позже получил общественное порицание, а в скором времени и жуткое наказание. Через пару дней нас повели к стоматологу на плановый осмотр. Я хотел пойти среди первых, чтобы побыстрее отстреляться, но меня задвинули в конец очереди. Вот оно – суровое общественное порицание во всей своей красе. Прождал пару часов и, когда очередь почти дошла до меня, сдали нервы. Развернулся и

ушёл.

Ясное дело, что меня отловили на следующий день по этому вопросу, отвели за ручку. Посадили в кресло, попросили открыть рот. Уже было страшно, хотя терпимо. Но потом положили ватку на зуб и тут я начал паниковать и просить, чтобы мне не делали больно. Просидел так минутку, любезная тётя пообещала, что больно не будет, вытащила ватку и уточнила, что, собственно, меня так беспокоит. Я начал сбивчиво рассказывать про уколы, сверление и прочее и, когда уже не на шутку разнервничался, любезная тётя показала ватку. На ватке лежал молочный зуб.

Осознав, что, собственно, сейчас произошло, я недоверчиво спросил: «И всё?..». «И всё...» – спокойно и даже подежурному ответила любезная тётя, и меня отпустили с миром.

1994. Котёнок мечты

Но что там велосипеды, креветки и молочный зуб... Вот вам очень серьёзная и из рук вон плохая история. Всё остальное на этом фоне меркнет и кажется действительно детской забавой...

С самого детства я мечтал о котёнке – маленьком, пушистом и сереньком. Как-то раз мы даже взяли одного, но он всю ночь проплакал, и отец настоял его вернуть маме-кошке.

Мне было лет восемь-девять. Однажды, собравшись гулять, я по своему обыкновению стал спускаться пешком по лестнице. У разбитого окна между восьмым и девятым этажом на подоконнике я увидел котёнка своей мечты. Тихонько подошёл к нему и погладил. Как вы думаете, что я сделал со своей мечтой дальше? Взял домой? Стал ухаживать? Нет. Сбросил из окошка на улицу...

Да, в окошко. Знаете, в домах в стенах бывают такие специальные проёмы для решения разного рода задач. Вот прямо туда...

Дальше было не менее странно. Я почти тут же забыл про это. Спокойно пошёл дальше, медленно, я бы даже сказал заторможенно, планируя свой дальнейший день. Только когда я вышел на улицу, ко мне пришло понимание того, что я натворил. Ко мне навстречу, мяукая и хромя, шёл тот самый котёнок. Я, по своей детской наивности, был уверен, что он

просто разобьется в лепёшку – и всё... А тут вот оно как... Я стушевался и убежал.

Всякое было в моей жизни. Но мне ни за что так не горестно и не стыдно, как за этого котёнка. Даже делая поправки на детскую глупость и любопытство, не могу найти ни объяснения поступка, ни оправдания себе. Если бы была возможность исправить в своей жизни только один эпизод – я бы непременно исправил именно этот.

1996. Городки и противогаз

Да, серьёзная ошибка, но время от этого не остановилось, и мы продолжаем сводку криминальных новостей. Теперь переключимся с домашних животных на вещи. Лето, оздоровительный санаторий в городе Ступино, плохая компания.

Не то, чтобы совсем плохая, но меня заставили лезть в чужой сарай. Он плотно прилегал к забору санатория. В итоге мною героически был вытащен противогаз и игра «городки». Противогаз был утерян быстро – спрятан под подушку и успешно изъят неустановленными лицами. А вот в городки мы играли долго. Официальная версия их появления для воспитателей была простая: мне подарили на день рождения. То есть меня опять подставили, но я очень скоро отыгрался. Когда уезжал домой, начал их собирать с собой. Плохая компания стала давить на меня, чтобы оставил. Но я упёрся на смерть, тут было дело принципа: «Мне подарили на день рождения – какие вопросы? Хотите это обсудить с воспитателями?». В итоге я увёз эти городки домой, чему до сих пор детски радуюсь.

Какие-никакие, но уроки из этого были вынесены. Позже плохие компании я стал чужать за версту и всегда обходил их стороной, не ввязываясь в открытые конфликты.

1996. Не хочу в школу!

На смену хулиганству пришли социальные протесты. Возможно, одно логично вытекает из другого. В шестом классе я устроил себе праздник непослушания, заявив маме, что сегодня в школу не пойду. И представьте себе – не пошёл. С разрешения мамы, конечно!

Вообще-то меня удивили мамина чуткость и понимание, с которой она восприняла этот бунт, т. к. всё произошло спонтанно и сиюминутно. Никаких видимых причин для такого поведения не было. Контрольные запланированы не были, отношения со всеми были нейтрально-гладкими. Просто, видимо, какая-то шлея под хвост попала. Или реально нужно было побыть одному и что-то обдумать.

Быстро сориентировавшись, мама выдала мне список домашних дел на день и умчалась на работу. Провозившись целый день с домашними делами и сильно намаевшись, я пришёл в себя: больше таких приступов не возникало. Недаром говорят, труд облагораживает человека...

2001. Курение на общей линейке 1 сентября

Но не пойти в школу одно, а подставлять классного руководителя на праздничной линейке – совсем другое.

В те годы я периодически, но часто покуривал – модно, прикольно и ново. К слову сказать, сейчас тоже, хотя гораздо реже (1-2 сигареты в квартал) – уже не ново, не модно, но всё еще прикольно. Особенно, когда так не часто.

Ну так вот. 1 сентября, праздничная линейка. Кто-то куда-то идёт, кто-то что-то читает – очень интересное зрелище... А не покурить бы? А почему бы и нет, подумал я, и начал курить в последнем ряду. Очень быстро мои глаза упёрлись в глаза классного руководителя...

До сих пор удивляюсь военной выдержке подполковника в запасе Юрия Георгиевича Яркина – мне бы такую маненько. Он даже говорить мне ничего не стал – неммым отеческим укором дал ясно понять: мальчик мой, ты не прав...

Спорить с ним не стал – нельзя так нельзя. Что я, маленький что ли, в самом деле...

Глава 5. 1990. Первые разочарования и обиды

1990. Хочу уметь летать

Разочарования и обиды – более тонкая материя, чем просто шалости или даже хулиганство. Разочарования норовят обрушить внутренний мир, а обиды исказить его, деформировать личность. В пять-шесть лет меня жёстко обманули. При чём мои же родные.

С мамой я поделился своей мечтой: хочу летать! На носу висела школа и мама сориентировалась: «Нужно читать – 30... нет... 50 страниц в день и научишься...». Я читал по 70-100.

Результат не заставил себя долго ждать. Очень быстро появилось ощущение лёгкости и воздушности, как будто парить, но сам отрыв от земли почему-то не происходил. Видимо, читаю много, но не внимательно – подумал я. Поднажал. Время шло, а летать так и не научился. Ну что тут сказать: призовые места по скорости чтения в начальной школе для мальчика – большая редкость. Это было предметом моей гордости, а за всё хорошее, как известно, нужно платить...

1993. «Это не я!»

Разочарования только начинались, и следующее серьёзное ждало меня в конце первого класса. Букварь для первоклассника – что священное писание для верующего. И однажды у моего экземпляра склеились две страницы. Там, где буква Щ (на этом развороте изображён довольно странного вида щенок, а рядом будка-скворечник, кто ещё помнит). Когда они склеились и при каких обстоятельствах, загадкой остаётся до сих пор.

Первый же урок – урок чтения. Доходит очередь до меня, и нужно прочитать текст с недоступного мне разворота.

Я к соседу Эдику – мол, так и так.

– Неа, пользуйся своим.

Техническая заминка.

Наша первая учительница Татьяна Лазаревна Крылова уже была в возрасте – строгий советский учитель (чуть не написал воспитатель), всегда задавала всему классу высокую планку в вопросах нравственных и образовательных. Подобная заминка была для неё категорически неприемлема, и она быстро включилась в режим атаки.

Буквально через 20 секунд я стоял перед всем классом рядом с её столом и подавал свидетельские показания. С её точки зрения, история звучала неубедительно, не клеилась, была сплошь пропитана ложью (уж от кого от кого, но от те-

бя...) и приговор был хлёстким, но предельно простым – стоять весь день перед классом, пока я не сознаюсь. Я бы и сейчас не сознался в том, что не делал, а тогда внутри себя я был просто вне себя. В итоге простоял весь день и уже на следующий должен был прийти с мамой.

Но это был прекрасный день, и великое стояние было не напрасно. Так получилось, что с самого начала меня поставили буквально нос к носу перед Леной Хрящевой – девочкой-мечтой, поэтому даже если бы эти страницы действительно склеил бы я, то ни за что бы в этом не признался...

1993. «Я с тобою не дружу – ты не знаешь падежу»

Видимо, такого позора моей первой учительнице показалось мало, и на следующий год она решила повторить. Наступили на мою большую мозоль – падежи. По правде говоря, я их иногда путаю до сих пор, но тогда это были те ещё перлы. Например, каким будет правильный ответ на вопрос «какой?» для слова «ноябрь»? А вот и не угадали – *нояборский*. А для декабря – *декаборский* и т. д.

Именно таким было домашнее задание, и я его с треском провалил. До такой степени, что мою работу зачитали перед всем классом! Любимчик, мальчик-паинька, а падежей не знает...

Заикание, которое почти сошло на нет, внутренне быстро обострилось, дыхание затруднилось. Не знаю, что было видно со стороны, но изнутри я весь горел синим пламенем. Именно в этот день начала формироваться стойкая неприязнь к этому предмету, и через четыре года она закрепится окончательно – ещё поговорим об этом...

1997. Без вины виноватый и перевод в другую школу

Больше каких-то особых инцидентов не было, и постепенно наступил конец шестого класса. И тут со мной произошла совсем обидная и несправедливая история. Одна из ключевых, определивших мой дальнейший жизненный путь.

Как у всех нормальных детей, у меня был лучший школьный друг – Вадим Загвоздкин. Не знаю, что он там не поделил с Тёмой и Саньком (за девчонок мы ещё не боролись), но я стал случайным свидетелем их потасовки после школьных занятий вне территории нашей Климовской средней школы № 3. По-моему, они даже немного подрались, но так – для порядка.

На следующий день меня вызывают к директору и требуют написать объяснительную. После написания, почти не глядя на мой листок, мне выдвигают обвинения в пособничестве. Объяснение, что я просто рядом стоял и прибежал уже к концу их разборки, не принималось. Масла в огонь добавила мама пострадавшего Вадима. Мол, «а были лучшие друзья...» и всё такое. Разбирательство этой истории шло медленно и нудно. Финальную точку в этом вопросе поставила наш классный руководитель Васса Кондратьевна. Она просто перестала со мной здороваться...

Моя мама в начале учебного года предлагала перейти в

лицей на Львовской. Я вспомнил про это предложение и твёрдо заявил маме, что перевожусь в лицей – без объяснения причин. Мужик сказал – мужик сделал. Через четыре месяца я пошёл в новую школу в новый класс...

1997. «Товарищей не сдам!»

Но на этом разочарования по линии «друзья» не прекратились. Не может же быть у ребёнка с такой активной жизненной позицией только один друг. Были ещё и во дворе ребята. Те самые, с которыми мы начали курить с седьмого класса.

Курили немного, скорее это было изучение материальной части и попытка соответствовать современным стандартам. Но настало время разоблачения, меня раскрыли. На требование мамы выдать «подельников» я твёрдо ответил, что товарищей не сдам – делай, что хочешь. Дело замяли.

Одновременно с этим был разоблачен один из моих «подельников» Лёша Антонов из 35-ой квартиры. Своей маме он сдал всех. Все мамы по домам учинили разбор. Лёша всем сказал, что предатель я, т. к. первым разоблачили именно меня. Остальные ребята (Женя Клементьев из 27-ой квартиры и Лёша Кузнецов из 39-ой) поверили ему, и я стал для них персоной нон-грата.

На этом наша многолетняя дружба вмиг закончилась.

1998. Тарас Бульба

И вот, когда в какой-то момент все друзья кончились, настроение стало прекрасное. Подвохов ожидать стало совсем неоткуда.

Но я совсем забыл про учительниц русского языка и литературы. Видимо, сказалось отсутствие опыта или короткая память.

Ирина Борисовна всегда была ко мне доброжелательна и добра. Мне она тоже нравилась, но в нашу любовь вмешался Тарас. Который Бульба.

Сочинение на эту тему было задано на дом и писалось в стеснённых обстоятельствах и впопыхах – у мамы на работе в кабинете детского массажа. Я слишком поздно про него вспомнил, и деваться было категорически некуда.

С падежами на этот раз всё было в порядке. Запятые – вот что меня подвело. И были они расставлены настолько чудно, что по моему тексту выходило вот как: Андрей взял мешок с хлебом, а мешок (в свою очередь) перешёл на сторону поляков. Уморительно, и весь класс с этим согласился. Гомерический хохот звучал на уровне 100 Дб – не меньше.

Эти пара предложений были зачитаны публично, с учительским пафосом, и это поставило окончательную точку в вопросе симпатий к этому предмету и учителям русского языка и литературы – ненавижу.

Но ненависть, согласитесь, плохое чувство, и позже судьба меня ловко подколола: моя супруга Мария – учительница русского языка и литературы... Очень смешно... Но зато спустя годы я узнал про постфиксы, некоторые части речи и ещё там по мелочи. Хотя, опять же, я не смогу сделать фонетический разбор за третий класс, который с блеском делает наша дочь Анфиса. Всё-таки не моё это. Не дано.

2000. Снова Пушкин

И вот Ирина Борисовна уходит в декрет, а на смену ей нам назначен другой, специально обученный специалист. Это была настолько вредная тётка, что я даже не могу толком вспомнить её имени. Валентина как-то её там, кажется...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.